

Г Л А В А 5 .
ВОПРОС ОБ ОБЪЕМЕ ПЕРЕВЕДЕННОГО
СВВ. КИРИЛЛОМ И МЕФОДИЕМ
ВЕТХОЗАВЕТНОГО ТЕКСТА

Вопрос об объеме переведенных на славянский язык текстов Св. Писания касается не только нас — русских, но и всего славянства. А потому, не только российские слависты уделяли решению этой проблемы много времени, но также и ученые практически всех славянских стран и народностей. Живой интерес к этой теме поддерживается еще и тем, что, по сути, вопрос этот до сих пор является открытым.

Пионером в деле научной разработки интересующего нас предмета стал известный славист Йосиф Добровский, хотя хронологически первым этой темой заинтересовался не он. Известно, что проблеме объема переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста посвятили свой труд такие известные современники Добровского, как Михаэлис, Коль и Шлецер. Так же и в России в XVIII в. были люди, не равнодушные к одной из интереснейших страниц истории перевода Св. Писания на славянский язык. Лишь только недавно науке стало известно, что в С.-Петербурге в 1791 г. братьями Каржавиными

была выпущена книга (на французском языке) под характерным названием: «Заметки о русском языке и его алфавите» («Remarques sur la langue russe et sur son alphabet»), в которую был включен важный для нашей работы «Краткий исторический очерк о проникновении письменности в Россию». Из него мы узнаем, что св. Константин Философ составил для славян сначала азбуку, после чего «начал переписывать греческие книги славянскими словами; его первым переводом было Евангелие Св. Иоанна “Искони бе слово” и т. д. Потом он перевел Апостол, Псалтирь и другие церковные книги — они были первыми, переведенные с греческого языка на славянский»*. Примерно в то же время, когда вышла в печать книга Каржавиных, Й. Добровский задумал создать полную «Историю церковнославянского перевода Библии», которую он, к сожалению, несмотря на собранный материал, не смог написать. Впрочем, некоторые ее фрагменты все же были опубликованы. Так, в частности, Добровский напечатал ряд статей, посвященных интересующей нас теме. Выводы, к которым в них пришел австрийский ученый, весьма важны для славянской науки, а некоторые идеи, заметки и суждения Добровского, по мнению специалистов, не потеряли своей актуальности даже и к началу XX века.

Так, например, изучая текст Острожской Библии (1581 г.), Добровский пришел к выводу, что св. Константином было сначала переведено Четвероевангелие (в том виде, в каком оно вошло в рукопись Синодальной библиотеки № 40/4 (1144 г.). Этот перевод, по его мнению, был сделан ок. 860 г. Тогда же св. Константином Философом была переведена и Псалтирь. Потом, по прошествии известного промежутка времени св. Мефодий пере-

(*) *Долгова С.* Неизвестное русское сообщение XVIII в. о Кирилле и Мефодии в книге Ф. В. Каржавина «Заметки о русском языке и его алфавите» // Кирилло-Мефодиевски студии. Кн. 5. София, 1988. С. 192.

вел Апостол (Деяния и Апостольские послания). Все остальные книги Св. Писания были после смерти св. Мефодия, переведены его учениками*. В дошедших же до нас Евангелиях, Апостоле и Псалтири кирилло-мефодиевский перевод не сохранился целиком, но попал к нам в виде фрагментов**. Жесткость данных оценок строилась Добровским на основании только критических исследований имевшегося у него библейского славянского текста (как мы говорили, это была Острожская Библия 1581 г.). К историко-литературным сведениям о деятельности славянских апостолов австрийский ученый, как известно, относился весьма подозрительно. Это касается и сведений Русского летописного свода, и известий Иоанна Экзарха, и информации из повести сербского Пролога (так наз. Сербской легенды), и свидетельств Диоклейского священника***. Об отношении Добровского к библейским текстам как свидетелям кирилло-мефодиевских переводов и историко-литературным показаниям как «сомнительным» документам для критики просто и ясно сказал в 1912 г. А. В. Михайлов: «подвергая критике историко-литературные свидетельства о кирилло-мефодиевской старине, он опередил не только своих современников, но даже отдаленных потомков, — из тех, конечно, для кого такие свидетельства вполне достоверны и служат после Паннонских житий исходным пунктом в вопросе об объеме кирилло-мефодиевского перевода Библии. Но

(*) *Михайлов А. В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. Ч. I. Паримийный текст. С. CLXXIV–CLXXV. См. также: *Добровский Й.* Кирилл и Мефодий, словенские первоучители / Перев. с нем. М. Погодина. М., 1825.

(**) *Добровский Й.* Кирилл и Мефодий... С. 40. Цит. по: *Михайлов А. В.* Опыт... С. CLXXIV.

(***) *Михайлов А. В.* Опыт... С. CLXXIX, CLXXXIII.

доверя больше библейскому тексту, чем разным свидетельствам о нем, Добровский, однако, признавал, что и его главный источник тоже не совсем надежен, т. е. нуждается в поправках и дополнениях^{*}. К тому же Добровский понимал (как это видно в его статьях и письмах), что текстуальный материал, которым он тогда пользовался, не может дать ему серьезный, научный и полный анализ текста, а потому и на вопрос «что же перевели св. братья?» он отвечал вопросом: «Кто может ответить теперь удовлетворительно на этот вопрос?»^{**}

На вопрос «что же перевели св. братья?» и при Добровском, и после него пытались ответить многие. Во-первых, это был прибалтийский ученый Николай Берг (*Historico-theologica exercitatio de statu ecclesiae et religionis Moscovitae. Lubecae, 1709*), который еще при жизни Добровского получил от него ценные замечания и критику. Во-вторых — К. Ф. Калайдович^{***}, выслушавший и прочитавший не один научный упрек о своем труде. Калайдовичем были введены в научный оборот очень важные исторические материалы, говорившие не только о переводе Св. Писания на церковнославянский язык, но и о его объеме. В частности, это был знаменитый «Пролог» Иоанна Экзарха^{****} к его переводу «Богословия» св. Иоанна Дамаски-

(*) Там же. С. CLXXXIII–CLXXXIV.

(**) *Добровский И.* Кирилл и Мефодий. С. 40. Цит. по: *Михайлов А. В.* Опыт... С. CLXXXIV–CLXXXV.

(***) *Калайдович К. Ф.* Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824. См.: *Виноградов Г.* Первый русский болгарист: Память о Константине Калайдовиче. К столетию со дня его смерти († 1832) // Сборник в честь на проф. Л. Милетич. За семедесетгодишнината от рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 591–621 (о работе Калайдовича над «изданием Экзарха» см. с. 598–612).

(****) Известный церковный иерарх и духовный писатель эпохи правления царя Симеона.

на по списку XII–XIII вв. Московской синодальной библиотеки № 155/108. По мнению К. Ф. Калайдовича, текст этот, вполне согласный с известием Русского летописного свода*, наводит на мысль, что св. Константин Философ с братом перевели с греческого на славянский всю Библию (Константин — изборъ** из Евангелия и Апостола, а св. Мефодий — все 60 уставных книг). На основании этих свидетельств Иоанна Экзарха Калайдович заключил, что «Библия, которой мы теперь пользуемся, принадлежит к бессмертным трудам Мефодия и отчасти Константина; перевод ее относится к концу IX века. Время сделало некоторые изменения в слоге... Грамотные исправляли перевод, неучи портили***. Этот вывод автора книги об Иоанне Болгарском встретил трезвый отпор научной критики, аргументы которой можно найти в труде Михайлова «Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе»****. Главным и самым сильным контрдоводом против теории Калайдовича было резонное указание критики на то, что «о переводческой деятельности Константина и Мефодия по Св. Писанию

(*) Летописное известие утверждало, что св. Мефодий «прѣложи всѣ книги испълнь ѿ грѣчьска ѡзыка въ словѣнскѣ».

(**) Речь идет об «апракосе» — сборнике евангельских чтений, взятых из «тетра» (Четвероевангелия) и расположенных не в «четьем» порядке, как это мы видим в «тетре», а как ими пользуются во время богослужения — по «зачалам». Так как годичный богослужебный круг в Православной Церкви начинается с праздника праздников — Пасхи, то первым чтением в «апракосе» будет стоять (и стоит!) нужный текст из Евангелия от Иоанна (1, 1). Таким образом «апракос» является выборкой праздничных текстов, «бrevиариум» тетра — полного Четвероевангелия. Он является не полным сборником (breve) евангельских текстов.

(***) Калайдович К. Ф. Иоанн Экзарх Болгарский... С. 12.

(****) Михайлов А. В. Опыт... С. CXCVI–CXCIХ.

Иоанн Экзарх писал только *по слухам*, как он сам сознается: *ѣкоже мѣногашьды <...> слышахъ*. Следовательно, в его показаниях о степени участия Константина и Мефодия в переводе Св. Писания на славянский язык нельзя было искать ни полноты, ни точности. То и другое, действительно, и обнаруживается, если сопоставить число 60 книг, — перечень, навеянный на Иоанна Экзарха каноном Иоанна Дамаскина, с тем, что, по словам того же Иоанна Экзарха, было переведено одним Константином, а точнее — совместно с Мефодием. Ведь Евангелие и Апостол, хотя бы апракосы, которые у Иоанна Экзарха, надо полагать, имеются в виду (*ѣзборъ*), составляют в каноне Иоанна Дамаскина 26 книг (27-я — Апокалипсис), а потому на долю одного Мефодия оставалось перевести гораздо меньше книг, чем ему приписывает Иоанн Экзарх, как это справедливо <...> заметил Добровский. <...> Если принять во внимание еще Псалтирь, о котором не упоминает Иоанн Экзарх, но которая тоже была переведена Константином совместно с Мефодием, то последнему необходимо было вновь перевести не более 33 или 32 книг по перечню Иоанна Дамаскина. Допустить, что Мефодий вторично переводил переведенное им раньше вместе с братом, было бы уже совсем странно. А между тем эта странность вытекает из прямого смысла показаний Пролога. Очень странно и то, что Иоанн Экзарх <...>, живший в эпоху, очень близкую ко времени свв. Кирилла и Мефодия, лицо духовное и писатель, который более, чем кто-либо другой, мог стоять в курсе литературной деятельности Первоучителей славянства, говорил об этой деятельности по слухам, хотя, по-видимому, очень настойчивым, так как об этом Иоанн говорит дважды. Калайдович это объясняет тем, что перевод Библии в то время «еще не достиг Болгарии» (с. 12), т. е., значит, сам Иоанн Экзарх не видел всех 60 книг на славянском языке. Если это, действительно, было так, то Калайдович еще с меньшим правом мог делать свое за-

ключение. Таким образом решающего значения о степени участия Константина и Мефодия в переводе Св. Писания Пролог иметь не может, особенно — о числе переведенных ими книг вообще, так как число «60» уставных книг Иоанн Экзарх ввел, так сказать, *по теории* — под влиянием перечня Иоанна Дамаскина, который ему был хорошо известен^{*}. Другим «отрезвляющим» моментом критики теории Калайдовича было то, что она, эта теория, не была обоснована результатами исследования текстов полного свода славянской Библии, представленной тремя списками Московской Синодальной библиотеки (имеется в виду Геннадиевский (1499 г.), Иоакимовский (1558 г.) и Троицкий (XVI в.) списки). Эти тексты и исследовательская работа над ними (во времена Калайдовича она была частично выполнена Добровским) также не оправдывали научных изысканий автора книги об Иоанне Экзархе болгарском.

Сам А. В. Михайлов, критикуя оценки и выводы Калайдовича, избегает вместе с водой выливать и ребенка. Он оценивает «Пролог» как важный историко-филологический источник кирилло-мефодиевской старины, на основании которого «мы почти с уверенностью можем сказать, что в Болгарии в начале X-го в. образованные, вообще книжные люди, были убеждены, что Константин перевел не полный текст Св. Писания, а лишь избранные чтения из него (апракос, избор. — *Р. Ц.*), т. е. для богослужебного употребления, тогда как один Мефодий переводил и полный, четий»^{**}. Далее Михайлов рассуждает, что богослужебные тексты при Иоанне Экзархе уже были в Болгарии^{***}, что

(*) Там же. С. СХСVI–СХСII, ССIII–ССIV.

(**) *Михайлов А. В.* Опыт... С. СХСVII.

(***) «Богослужебный текст Св. Писания, т. е. Евангелие, Апостол-апракосы, Псалтирь и паримийник, в то время, надо полагать, уже был в Болгарии: без него ведь не могло совершаться богослужение...» (*Михайлов А. В.* Опыт... С. СХСVII).

даже видно из библейских цитат, к которым он «неизбежно» прибегал, приводя славянский текст (впрочем, излагая его вольно, «на память»). О четых, небогослужбных текстах из показаний «Пролога» мы узнаем, что их в Болгарии при Иоанне не переводили. Перевод их, по всей видимости, в Болгарской Церкви уже имелся — легендарный мефодиевский библейский перевод. Об этом и Иоанн говорит, и мы не можем ему не верить, так как он человек был чрезвычайно совестливый, что видно из проложного эпизода о его переводческих подступах к «Учительским сказаниям», которые он боялся переводить*, так как это его неминуемо ставило в один ряд со святыми братьями, и со св. Мефодием, в частности. «Такое смущение Иоанна Экзарха перед мыслью, что он преемник переводной деятельности архиепископа Мефодия, — пишет рецензент Калайдовича, — понятно лишь в том случае, когда Иоанн не только слышал о переводе Мефодия, но и видел этот перевод. Иной вопрос, в каком объеме он видел мефодиевский перевод. Он мог иметь в руках не все, а только некоторые ветхозаветные книги в полном переводе и по аналогии допустить, что Мефодием было переведено по Свящ. Писанию все, чего не успел перевести Константин, тем более, что об этом ходили упорные слухи; глава же “о писании” Иоанна Дамаскина дала (Иоанну. — Р. Ц.) повод думать, что Мефодий должен был перевести именно *уставные* книги и, значит, числом 60. Отсюда — быть точным в своих показаниях о степени участия Константина и Мефодия в переводе библейских книг Иоанну Экзарху даже не было особенной надобности: ему ведь необходимо было только *вообще* упомянуть, что по части

(*) «..Убояхся помышляя, еда в него места хошу потруди(ти)ся на успех чади преложити в свой язык сказания учительская, еда будут им на исказу: веде бо своего ума тупость и грубость..» Цит. по: Михайлов А. В. Опыт... С. СХСVIII.

переводов с греческого было сделано Константином и Мефодием, чтобы объяснить читателю, почему он взялся именно за перевод “Учительных сказаний”)*.

Следом за Калайдовичем на вопрос об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста попытался ответить представитель ученой корпорации Киевской Духовной академии проф. О. М. Новицкий, выпустивший в 1837 г. в свет книгу «О первоначальном переводе Св. Писания на славянский язык». Проблема объема Новицким решалась в духе Калайдовича. Он не поддерживал позиции Добровского, сомневавшегося в ценности Пролога, считая что «показания Пролога Иоанна Экзарха вполне достоверны и определены, чего нельзя сказать про свидетельства Русской летописи и Диоклейского священника»**. Полемизируя с Добровским по вопросу объема Новицкий выдвинул следующие тезисы:

1) если древние славянские переводы книг Ветхого Завета (кроме Псалтири) сохранились только в списках XV в. и выше, то это еще не говорит об отсутствии связи их с эпохой свв. братьев, т. е. с IX веком; Псалтирь с Паримийником потому к нам и донесли внутреннее свидетельство о переводе их свв. Кириллом и Мефодием, что они, как богослужебные книги чаще употреблялись и переписывались, а «четий» корпус с «толковым» — нет;

2) Добровской допускал, что первоначально были переведены паримийные чтения, с чем Новицкий соглашался, называя их переводами св. Константина; он, однако, расширял поле переводческой деятельности свв. братьев, считая что свт. Мефодий, после смерти Константина, перевел остальные книги Ветхого Завета;

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. СХСІХ.

(**) Там же. С. ССV.

3) Добровский позднее происхождение переводов некоторых книг Ветхого Завета обосновывал свойством их языка (некоторые из них были сильно русифицированы или имели большое количество сербских слов), относя их поэтому к XIII–XV векам; Новицкий резонно утверждал, что русские и сербские слова оказались в текстах не из-за перевода, а из-за позднейших поправок этих книг, сделанных переписчиками Сербии, России и Польши;

4) Добровский утверждал, что латинская правка некоторых ветхозаветных книг по Вульгате произошла в конце XV века, а его киевский оппонент считал, что такие исправления могли иметь место и в IX веке;

5) Добровский допускал, на основании имевшегося у преп. Нестора Летописца отрывка, существование в XII в. славянского перевода кн. Притчей; Новицкий, найдя у того же автора цитаты из других книг Ветхого Завета (ими был полон и Изборник 1076 г.), а также на основании устного предания, полученного от Калайдовича, утверждавшего что он видел рукописное новгородское Пятикнижие, датированное 1136 годом, твердо верил в существование славянского перевода Пятикнижия, книг Царств, Пророков и книг Премудрости*.

Известное утверждение Иоанна Экзарха о том, что св. Мефодий перевел все (уставные) книги Библии числом 60 Новицкий понимал по-своему. Уставными книгами для него были книги канонические, поделенные им на 33 ветхозаветные и 27 новозаветных (в сумме 60)**. По его мнению, в число этих переве-

(*) Там же. С. CCVI–CCVII.

(**) В таком делении Новицкого в свое время сомневались некоторые исследователи (см.: *Макарий*, архим. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1846. С. 237; *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCV).

денных свв. братьями книг не входили ю неканонических*. Они были включены в Славянскую Библию позже — или в 1558 г., в Иоакимовский кодекс, или — в 1581, в Острожский. При этом Новицкий считал, что Иоакимовская и Острожская Библии «не могут служить показателем того, в каком объеме был сделан свв. Кириллом и Мефодием перевод ветхозаветных книг»**. В дополнение ко всему Новицкий «неопределенно» относился к показаниям исторических источников, таких, например, как Русский летописный свод.

Следующим ученым, решившим ответить на интересующий нас вопрос, был другой духовный писатель — ректор Московской Духовной академии А. В. Горский, открывший своей статьей о свв. Кирилле и Мефодии в журнале «Москвитянин»*** целую эпоху в кирилло-мефодиевистике. Им был активизирован интерес к показаниям исторических источников и к Паннонским житиям (ЖК и ЖМ) — в частности. Горский с полным доверием отнесся к знаменитой 15-й главе ЖМ, в которой говорилось, что «Мефодий <...> отвергся мльвы и печаль свою на Бога възлож, прежде же от ученик своих посаждъ дьва попа скорописьца зело, преложи в брьзе (быстро) вься кънигы испльнь, разве Маккавей, от гръчьска языка в словеньск, шестью месяц, начьн от марта месяца до двою десяту и шестью день октября месяца. Съконьчав же, достойную хвалу и славу Богу въздаст, дающему таковую благодать и поснех, и святое възношение тай-

(*) Товит, Юдифь, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса сына Сираха, 2-я и 3-я книги Ездры, Варух, 1-я, 2-я и 3-я книги Маккавейские.

(**) Михайлов А. В. Опыт... С. CCVI.

(***) Горский А. В. О св. Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843, № 6. Эта же статья целиком вошла (под названием «Житие св. Кирилла и Мефодия») в «Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865. С. 1-42.

ное с клиросом своим възнес, сътвори память святого Димитрия. Псалтырь бо бе тъкѣмо и Евангелие с Апостолом и избранными слоужьбами цркъвными с философом преложи пръвее; тогда же и Номоканон, рекъше закону правило и отъчьскыя кѣниги преложи». Из этого известия самоочевидно, по мнению Горского, что:

- 1) вначале были переведены весь Новый Завет, Псалтырь и фрагменты Ветхого Завета (Паримийник);
- 2) свт. Мефодий и его помощники перевели почти треть оставшихся не переведенными библейских книг;
- 3) книги Маккавейские, а с ними, вероятно, книги Товит, Есфирь и 3-я Ездры не были еще переведены при Мефодии*.

Эти тезисы в дальнейшем стали ключевыми в решении вопроса об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста. Таким образом впервые, с легкой руки А. В. Горского, на основании суммы показаний исторических источников (таких, как Паннонские жития и Пролог Иоанна Экзарха, плюс «эпистола» папы Иоанна VIII [880 г.]), стал намечаться ответ на интересующий нас вопрос. Однако, как считает обозреватель трудов по кирилло-мефодиевистике проф. А. В. Михайлов, стали прибавляться и смежные вопросы. Одним из них был вопрос об объеме перевода Св. Писания самого св. Мефодия. «Нет сомнения, — размышляет А. В. Михайлов, — что тексты, переведенные с братом, вторично переводить Мефодию не было никаких оснований и смысла. Поэтому выражение жития — *всѣ кѣнигы исплънь, рѣзвѣ Маккавѣй* нельзя понимать буквально, тем более, что такому пониманию противоречат дальнейшие слова автора, кои ясно показывают, что Мефодий только *допереводил*, а не вторично переводил. Дополнительный перевод ему приходилось делать и в Новом и в Ветхом Завете: в

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. ССІХ.

Новом — тех текстов, которых нет в Евангелиях и Апостоле — апракосах и которые имеются в полных Евангелиях и Апостоле, а в Ветхом — текстов и целых книг, не вошедших в Паримийник и очень значительных по объему. Но было ли, действительно, все это переведено Мефодием и одним ли им, а не с братом вместе (дополнения в Новом Завете), мы не знаем. Больше всего внушает сомнений ветхозаветная часть, и не столько своей обширностью, которую, конечно, никак нельзя было одолеть трем лицам в 6 месяцев, сколько тем, что она заключала в себе книги разной ценности <...>, т. е. книги канонические и неканонические. <...> (Св. Мефодий) должен был перевести именно канонические книги, особенно те, которые частями вошли в Паримийник — Пятикнижие, книги Иисуса Навина, Судей, Царств, Притчи Соломона и др. Что касается неканонических книг (Юдифь, Товит, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса сына Сирахова, Варух, Псалтирь Иеремии, 2-я и 3-я книги Ездры и 3 книги Маккавеев), то их, за исключением разве Премудрости Соломона, откуда чтения имеются в древнейших греческих и славянских паримийниках, Мефодий мог считать себя в праве и не переводить, по недостатку ли времени или потому, что эти книги не входили в освященный Церковью канон Св. Писания и считались лишь рекомендуемыми. О переводе только «уставных» книг категорически, мы знаем, говорит и Иоанн Экзарх; то же заключение прямо вытекает и из слов автора жития Мефодия: сказав о трех неканонических книгах, которых Мефодий не переводил, он дает этим понять и о прочих таких же книгах»*. Михайлов также считает, что Горский, во-первых, был прав (хотя и без всяких пояснений) в том, что св. Мефодий не переводил книги Маккавеев, Товита, Юдифь, Есфирь и 3-ю кни-

(*) Там же. С. ССХІ–ССХІІІ.

гу Ездры и, во-вторых, что он сделал важный вклад в науку, указав на отличие (кирилловского — ?) перевода Паримийника от перевода «четых» текстов Св. Писания*.

Тезисы Горского стали толчком для более глубокой разработки вопроса об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста. В конце первой половины XIX в. за его разрешение взялся близкий друг Горского (тогда Рижский) епископ Филарет (Гумилевский)** и упомянутый уже архим. Макарий***. В связи с тем, что последний автор не всегда ясно выражал свои мысли и его представления об объеме переводческой деятельности Кирилла и Мефодия остались не совсем ясными, то мы опустим их рассмотрение. Упомянем только что архим. Макарий больше доверял ЖМ, чем Прологу Иоанна Болгарского и считал, что св. Мефодий перевел вместе с каноническими и неканоническими книги (при этом он ссылался на то, что «в наших писаниях XI-го в. находятся тексты и неканонических книг [Премудрость Соломона, Премудрости Иисуса сына Сираха]****). Филарет (Гумилевский) выступил оппонентом против «колеблющегося» в своих взглядах архим. Макария*. Свою твердую позицию Филарет согласовал со взглядами Калай-

(*) Там же. С. ССХIII.

(**) *Филарет (Гумилевский)*, еп. Кирилл и Мефодий, славянские просветители // ЧОИДР. 1846. Кн. 4. Эта статья еп. Филарета в несколько измененном виде вошла в Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.

(***) *Макарий*, архим. Начало православной Церкви в русском собственно царстве (862–992) // ХЧ. 1845, 3; История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1846.

(****) [*Макарий*, архим.] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавление к творениям свв. Отцев в русском переводе. 1844. Ч. II. С. 204–292.

(*) Так оценил их А. В. Михайлов (Опыт... С. ССХVI).

довича и Новицкого, обосновывая ее также на показаниях Иоаннова Пролога и Изборника Святослава 1073 г., в которых упоминались 60 переведенных Первоучителями канонических книг. Вся аргументация* Филарета была направлена на доказательство того, что св. Мефодий перевел только канонические книги. «Одни свв. Отцы (свт. Кирилл Иерусалимский, свт. Афанасий Великий [Пасх. посл.], Лаодикийский собор), по счету евреев, полагали всего 22 книги Ветхого Завета. Другие (свт. Епифаний [книга о весах], преп. Иоанн Дамаскин [книга о вере]) — разбивали еврейский счет до 27 книг. Но ни те, ни другие не учитывали апокрифических книг: счет был не одинаковый, но всегда одним и тем же книгам — книгам каноническим, а книги апокрифические не шли в счет. <...> Отцы Церкви строго запрещали вносить в канон такие книги, каковы: сын Сирахов, Премудрость Соломона»**. В своей запальчивой критике трудов архим. Макария еп. Филарет допустил досадную ошибку: он забыл, что переведенный свв. братьями Паримийник включал в себя (не полностью) и книгу Премудрости Соломона. Такая его научная неосмотрительность разрушала всю его аргументацию***.

Вслед за архим. Макарием и еп. Филаретом об интересующем нас вопросе писал известный учений П. Шафарик. Он в

(*) Она была направлена непосредственно против мнений архим. Макария.

(**) *Филарет (Гумилевский)*, еп. Кирилл и Мефодий, славянские просветители // ЧОИДР. 1846. Кн. 4. С. 24.

(***) Полемика с архим. Макарием отразилась и в письмах свт. Филарета к частным лицам. См.: Письма Филарета, Архиепископа Черниговского, к А. В. Горскому / Прим. прот. С. Смирнова. М., 1885; Письма Филарета, митрополита Московского, к Филарету, впоследствии архиепископу Черниговскому. М. 1884.

своей статье «Расцвет славянский письменности»^{*} утверждал, что свв. братьями сначала были переведены «чтения» из Евангелий, Апостола и Ветхого Завета, а также Псалтирь. После смерти св. Константина-Кирилла св. Мефодий доперевел остальные библейские книги, за исключением апокрифических^{**}. Те же мысли были им повторены и в 1853 году, в статье «Памятники глаголической письменности»^{***}.

В 1855 г. вышел первый выпуск «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» — труд преподавателя из Московской Духовной академии А. Горского и К. Невоструева^{****}. Несмотря на то, что «Описание» составило «новую эпоху в деле описания рукописей»^{5*}, число которых доходило до 53-х, включая три списка полного свода славянской Библии — № 1 Геннадиевский (Новгород, 1499 г.), № 2 Иоакимовский (Волоколам, 1558 г.) и № 3 Лаврский (Святотроицкий Сергиев монастырь, 2-я половина XVI-го в.), Горский и Невоструев не смогли ничего сказать ни о кирилло-мефодиевском, ни о, собственно, мефодиевском переводе^{6*}.

После выхода в свет этого грандиозного труда решение вопроса об объеме переводческой деятельности Кирилла и Мефодия застопорилось на неопределенное время. Парадоксально, но

(*) *Шафарик П. Й.* Расцвет славянский письменности / Перев. О. М. Бодянского // ЧОИДР. 1848.

(**) *Михайлов А. В.* Опыт... С. ССХХ.

(***) *Šafarik P. J.* Památky hlaholského písemnictví. V. Praze. 1853.

(****) *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. М., 1855.

(5*) *Бычков А. Ф.*, акад. Записка о присуждении первой Ломоносовской премии // СОРЯС. 1870. Т. 7. С. 95.

(6*) *Михайлов А. В.* Опыт... С. ССXLII.

основная причина этой задержки заключалась в феномене самого «Описания», показавшего, что без основательного знакомства со всем разнообразием рукописного материала невозможно дальнейшее продвижение научных исследований. Поэтому со 2-й половины XIX века все научные силы были брошены на розыск и описание библейских текстов. Несмотря на большие затраты, к концу XIX века работа эта «была, можно сказать, закончена, и славянская наука узнала почти о всех ветхозаветных текстах, какие нашлись в библиотеках русских и зарубежных»*. После этого началось изучение каждой библейской книги в ее славянским переводе отдельно. Примером тому могут служить статьи проф. И. Е. Евсеева. В одной из них («Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык»)** преподаватель С.-Петербургской Духовной академии пришел к выводу, что перевод пророческих книг Иеремии, Даниила, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии, несомненно, принадлежит свт. Мефодию. Метод изучения Евсеевым был выбран историко-лингвистический (или историко-текстуальный***). Это был компромиссный путь решения интересующего нас вопроса объема переводческой деятельности Кирилла и Мефодия****. Изыскания проф. Евсеева были в начале XX в. одобрены ученым миром*. В 1905 г. Евсеев продолжил свою работу над пророческими книгами. В этот раз он обратился к тщательному ис-

(*) Там же. С. CCXLIII–CCXLIV. Описание этих рукописей см.: *Карский Е.* Очерк славянский кирилловской палеографии. Варшава, 1901. С. 18–32.

(**) *Евсеев И. Е.* Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык // ИИАН. Т. X (1899). № 4. С. 355–373.

(***) *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCCXII.

(****) Там же. С. CXCV.

(*) Там же. С. CCLXXXIX.

следованию книги прор. Даниила. Изучив 100 славянских списков XII–XVI вв. этого библейского текста, автор нашел в них три начальные редакции или перевода с греческого текста. Все они, по мнению Евсеева, возникли в период становления славянской письменности (последняя четверть IX — первая четверть X вв.). Первая редакция, названная им паримийной, включала в себя три неполных главы из кн. Даниила: 2-ю, 3-ю, 7-ю* и 10-ю**.

(*) Проф. Евсеев колебался относительно принадлежности 7-й главы: в одном месте он говорит, что она «была переведена Кириллом <...> несколько позднее, при переводе паримий месяцесловной части» (*Евсеев И. Е.* Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. XIV), а в другом утверждает что перевод этой главы «как будто бы заимствован из готового симеоновского перевода» (там же. С. XII). Причину такой неустойчивости мысли Евсеева проф. А. В. Михайлов видел в отсутствии текстуального анализа данной главы. Он считал, что 7-я глава попала в Паримийник «именно в мефодиевском переводе, признаки же симеоновского, т. е. четьего, явились в ней позднее, что вполне согласно с историей изменения паримийного перевода библейских книг вообще» (см.: *Михайлов А. В.* Опыт... С. ССХIV–СССХV).

(**) По мнению Михайлова, проф. Евсеев ошибся, включив 10-ю главу в кирилловскую паримийную редакцию. Впрочем, по работе видно, что Евсеев не без колебания пошел на это: «эта (10-я) глава, — писал он, — была переведена Кириллом не одновременно с прочими главами, а несколько позднее, при переводе паримий месяцесловной части» (*Евсеев И. Е.* Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. XIV). Рецензент Евсеева проф. Михайлов считал, что перевод 10 главы книги прор. Даниила принадлежит не св. Кириллу, а его брату — св. Мефодию. Почему? Потому, что паримия Дан. 10, 1–21, читавшаяся 8-го ноября («Собор Архистратига Михаила и проч. Небесных Сил бесплотных») имется только в некоторых греческих Паримийниках. В других же, по данным Михайлова, память Собора или совсем отсутствует (как и

Евсеев эти фрагменты паримийного переводного текста назвал кирилловскими или кирилло-мефодиевскими. Вторая редакция, найденная им в библейском сборнике XV века, хранившегося в Архиве МИДа (№ 902), и в Виленском Хронографе (№ 147), была названа мефодиевской. Третья, заключавшаяся в списках толкований пророческих, отнесена к золотому веку царя Симеона и названа симеоновской. Свои научные розыски И. Е. Евсеев подкреплял данными из своих предыдущих трудов и научными изысканиями других ученых-славистов, таких как акад. И. В. Ягич, акад. А. И. Соболевский, П. А. Лавров, В. А. Погорелов, Р. Нахтигаль, М. Н. Сперанский и А. В. Михайлов. Одной из особенностей этой работы Евсеева было присущая ему увлеченность предметом изучения. Что это значит? Дело в том, что он впервые, исследуя славянский перевод книги прор. Даниила, затронул вопрос об индивидуальных особенностях и

❧ памяти 6-го сентября — «Воспоминание чуда Архистратига Михаила в Хонех [Колоссах]», или имеет другую паримию (см. наше Приложение № 3). «С другой стороны, в древнейшем из русских Паримийников, именно — Зах^{ар}аринском > этой паримии на 8-е ноября нет, а в Лоб^{ко}вском > сп., сверх того, паримия из Дан. 10. 1–21 нашлась в ином переводе и на 6-е сентября. Есть, значит, основание думать, что в греческом оригинале кирилловского прототипа Паримийника или совсем не было, памяти на 8-е ноября или, если она была, то паримии из Дан. 10. 1–21 не было. Последнее предположение вернее, так как этой паримии не знает Зах^{ар}аринский > список, хотя память на 8-е ноября в нем есть» (Михайлов А. В. Опыт... С. CCCXVI). Интересно, что среди всех, доступных Михайлову списков греческих Паримийников, память на 6-е сентября он нашел только во Влантионском списке X-го века. Но паримии в нем в этот день, как и на 8-е ноября, были совсем другие. Во всяком случае, не Дан. 10. 1–21 (Михайлов А. В. Опыт... С. CCCXVI. Примеч. 2).

отличиях мефодиевского перевода от кирилловского. Первым свое критическое внимание на эту «новинку» обратил акад. И. В. Ягич, выразивший свое удивление следующей репликой: славянская наука (эпохи Евсеева) еще не дошла до того, чтобы «мы могли устанавливать разницу между литературной работой обонх Апостолов»*. Проф. Михайлов был не столь категоричен. Он считал, что «à priori эту разницу все же можно допустить, если под мефодиевским переводом предполагать не единоличный труд Мефодия, а также и труд его помощников из моравян, которым Апостол мог или был вынужден предоставить в этом деле известную свободу и которые, вследствие этого, могли перевести несколько иначе и хуже...»** Считая постановку вопроса об индивидуальных особенностях разбираемой так наз. мефодиевской рецензии пока преждевременным делом, А. В. Михайлов согласился, однако, с мнением Евсеева, «что перевод пророческих книг в отделах непаримийных, но сохранившийся в паримийном переводе, есть перевод мефодиевский. (Но) пока не будет доказано, что Мефодий *не* занимался переводом библейских книг после смерти своего брата, а Паримийник не был такой же необходимой богослужбной книгой, как Евангелие, Апостол–апракосы и Псалтирь, и, значит, был переведен не в самом начале миссионерской деятельности свв. братьев и не в Моравии, а позднее и где-нибудь в другой диалектической среде, но сходной вполне с мораво-паннонской, до тех пор это предположение и принадлежности указанных отделов пророческих книг именно Мефодию и его помощникам останется наиболее вероятным»***. В

(*) Ягич И. В. Рецензия на книгу: Евсеев И. Е. Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905 // Archiv für slav. Philologie. 1905. Band XXVII. P. 449. Цит. по: Михайлов А. В. Опыт... С. CCCXVII.

(**) Михайлов А. В. Указ. соч. С. CCCXVII.

(***) Там же. С. CCCXX.

заключении описания 2-й так наз. мефодиевской редакции проф. Евсеев предложил свои выкладки по объему переведенных свт. Мефодием библейских книг. Оставляя за св. Константином перевод Евангелия и Апостола — апракосов, Псалтири и Паримийника, он считал, что Моравский архиепископ перевел все внебогослужебные книги и фрагменты Библии, не переводившиеся братом*. Рецензировавший этот вывод Евсеева Михайлов считал, что нам еще рано и небезопасно подводить итог мефодиевским переводам книг, подгоняя его под число 60, указанное Иоанном Экзархом. «Об этом числе, как и о выражении 15-й главы жития Мефодия — “вся к̑нигы испл̑нь, разве Маккавей”, исследователю, мне кажется, необходимо временно позабыть, чтобы с б̑льшей свободой, вне всякого воздействия со стороны этих показаний, делать выводы только на основании всестороннего анализа текстов. Стараясь увеличить число библейских книг мефодиевского перевода или обработки и довести это число до “60”, проф. Евсеев к 42-м насчитанным книгам прибавил еще (и) книги Царств, Апокалипсис и книгу Бытия...»** А. В. Михайлов согласился с проф. Евсеевым только относительно первых двух книг. Что же касается кн. Бытия, исследованной Евсеевым в югославянских списках, в ней рецензент ничего «мефодиевского» почти не нашел***. Предлагая результаты исследования 3-й, симеоновской редакции, автор не дал сравнительной характеристики всех трех переводов-редакций, отчего усложнен был (если вообще сведен к нулю) очень важный момент разработки интересующего нас вопроса. Евсеев не определил отношение симеоновских справщиков к имевшимся у них готовым пе-

(*) Там же. С. CCCXX–CCCXXI.

(**) Там же. С. CCCXXI (см.: *Евсеев И. Е.* Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. XXVI).

(***) *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCCXXI.

реводам свв. Кирилла и Мефодия. Потому осталось только гадать о сходствах, различиях и переводческих принципах, имевшихся в переводах свв. братьев*.

В качестве примера научного подхода к интересующей нас проблеме ученых «новой волны», более противоречивых и непоследовательных в своей аргументации, однако, также оставивших оригинальный след в решении нашего вопроса, можно привести позицию акад. И. В. Ягича. Этот известный славист, оставивший множество туманных и неопределенных выводов, мог бы послужить символом скептицизма в отношении всех предшествующих мнений об объеме текстов Св. Писания, переведенных свв. Кириллом и Мефодием**. Примером косности Ягича в решении данного вопроса может служить недоверие его к тому, что св. Мефодий мог перевести весь Ветхий Завет. Почему? А потому, объясняет автор, что в конце XV в. не удалось собрать полного экземпляра Библии, вследствие чего Геннадиевский свод должен был состояться не только из разных переводов с греческого, но даже из переводов с латинского языка. Уже проф. П. А. Лавров*** вполне справедливо заметил, что

(*) Проф. А. В. Михайлов, впрочем, считает, что изданное И. Е. Евсеевым исследование дает повод думать о большом (на резком фоне симоновской рецензии) сходстве мефодиевского перевода с кирилловским. См.: *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCCXXIV–CCCXXV.

(**) См. рецензию А. В. Михайлова на одну из его книг в «Опыте...» С. CCXCIII–CCXCIX.

(***) *Лавров П. А.* Рецензия на книгу: *Jagič V. Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 1. und 2. Hälfte // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historische Classe. Band XLVII. 1900 // ОРЯС. 1901. Т. 6. Кн. 1. С. 242–244.*

такое доказательство вовсе не подрывает доверия к сообщению 15-й главы (ЖМ. — Р. Ц.), да и не может подорвать. Состояние Геннадиевского свода Библии доказывает лишь то, «что мефодиевский перевод», по словам проф. Лаврова, «был давно утрачен» или — прибавим от себя, что, нам кажется, будет правильнее — архиеп. Геннадий и его сотрудники не сумели найти этого перевода. И только. Таким образом, скептицизм акад. Ягича покоится на основании, которое могло иметь значение, пожалуй, еще во времена Добровского, а отнюдь не в 1900 году, т. е. после сопоставления Пролога Иоанна Экзарха с 15-й главой жития Мефодия и пояснений, сделанных Новицким, Горским, архим. Макарием и преосвящ. Филаретом, с мнением которых автор, к сожалению, по-видимому, не хочет считаться и даже не упоминает про него. В конечном результате суждение акад. Ягича о степени участия Кирилла и Мефодия в переводе книг Св. Писания не только не внесли ничего нового в решение этого важного вопроса, а, напротив, затемнили его»*. В дальнейшем акад. Ягич и в других своих статьях был неровен. В его рецензии на труд проф. Евсеева о книге прор. Даниила вновь просматривался «ничем не оправданный скептицизм». Ягич никак не хотел согласиться с тем, что упомянутый автор считал непаримийные части пророческих книг переводом свт. Мефодия. При этом акад. Ягич мог сам выдвигать некоторые невероятные версии. Например, он выдвинул предположение о том, что св. Константином был переведен Апокалипсис, а его братом — Паримийник. Как точно заметил А. В. Михайлов, у акад. Ягича мерка объективности для себя и для других разная, «что не должно иметь места в отзывах ученого, с мнением которого должен считаться каждый славист»**.

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. ССХСVII.

(**) Там же. С. СССXX.

В 1900 г. другой академик обратил свое внимание на вопрос об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста. А. И. Соболевский в одной из своих статей* посчитал, на основании среднеболгарской рукописи XIV в. (F. I. 461. СПб. Публичная библиотека) и свидетельства 15-й главы ЖМ, что перевод 1-й и 2-й книг Царств на славянский язык был сделан свт. Мефодием в Моравии. К сожалению, писал рецензент Соболевского, «степень осведомленности автора 15-й главы о переводном деле Мефодия нам совершенно неизвестна»**. «Поэтому, чтобы убедиться в моравском происхождении перевода книг Царств и получить таким образом право приписать его Мефодию, необходимо искать доказательства в самом тексте памятника. Таким доказательством, по нашему мнению, может быть только сходство перевода книг Царств с паримийным переводом ветхозаветных книг, так как мефодиевский перевод, возникший в одной диалектической среде, где и кирилло-мефодиевский паримийный, по словоупотреблению и формам лишь в немногом мог отличаться от последнего. Но акад. Соболевский вовсе не понимает вопроса о сходстве перевода книг Царств с паримийным»***. Несмотря на слабую ориентацию известного ученого в области кирилло-мефодиевской старины, его рецензент все же был согласен с ним в том, что перевод книг Царств принадлежал св. Мефодию. «При всей скудости словарного материала, использованного автором (имеется ввиду рукопись F. I. 461. — Р. Ц.), — писал он, — в нем, однако, оказалось не мало слов, известных только древнейшим текстам Евангелия, Апостола, Псалтири и паримийному переводу библейских книг: искрен-

(*) Соболевский А. И. Церковно-славянские тексты моравского происхождения // РФВ. Т. XLIII (1900).

(**) Михайлов А. В. Опыт... С. CCCI.

(***) Там же. С. CCCI–CCCII.

ний (πλησίον), *олтарь* (θυσιαστήριον), *князь* (ἄρχων), *пост* (νηστεία), *поститься* (νηστεύειν), *язык* < племя, народ. — Р. Ц. > (ἔθνος), *оружие* (ἄρμα), *иерей* (ἱερεὺς), *село* (ἀργός), *гигант* (γίγας), *ангел* (ἄγγελος), *книжник* (γραμματεὺς), *маслина* (ἐλαία) и др. Для небогослужебного или четьего текста Св. Писания, в котором эти греческие слова обычно переводятся иначе (*ближний, друг или подруг, требник, владыка, алчьба, алкати, страна, колесница, нива* и т. д.), подобное словоупотребление можно объяснить лишь единством диалектической среды, где явились переводы книг Царств и Паримийника, и сходством терминологии у переводчиков; а то и другое указывает на Моравию и Мефодия)*. Другая группа слов из книги Царств рукописи F. I. 461, по мнению рецензента, близка моравским переводам с латинского (напр., Никодимову Евангелию). Третья — состоит из «разных архаизмов, отмеченных Горским и Невоструевым даже по списку XV-го века (см.: «Описание...» I. 1. С. 39–40). То обстоятельство, что переводчик книг Царств, по словам акад. Соболевского, «не был большим знатоком греческого языка», «знал латинский язык» и переводил «очень небрежно», а, по отзыву Горского, «произвольно, как бы на удачу», нам кажется, тоже имеет значение <...> указания на участие в этом переводе помощников Мефодия именно из моравян, вообще западных славян, так как лично Первоучитель, при усиленной переводной деятельности незадолго до своей кончины и при многих заботах по управлению паствой, едва ли и был в состоянии все доглядеть и исправить в трудах своих помощников, тем более, что переводились ведь не богослужебные тексты Св. Писания)**.

По мнению Михайлова, славянский перевод книг Царств по качеству и

(*) Там же. С. СССР–СССН.

(**) Там же. С. СССР.

словоупотреблению очень схож со славянским переводом книги прор. Даниила. Вместе с проф. Евсеевым он приписывает и тот и другой перевод св. Мефодию*.

Очень важным опытом в деле разработки вопроса об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста явились труды по изучению глаголической письменности. Изучением глаголического наследия занимались такие ученые, как П. Шафарик, акад. И. В. Ягич, М. Вальянц, Р. Нахтигаль, добившиеся немалых успехов на этом поприще. Последние два исследователя трудились над ветхозаветными текстами. Основная масса по изучению глаголических текстов была взята словенским ученым Нахтигалем, который сравнивал глаголические переводы из хорватских миссалов и бревиариев с кириллическими, греческими и латинскими (паримийными и четными) текстами. Выводы, сделанные Нахтигалем, установили факт влияния кирилло-мефодиевских переводов (в частности — Паримийника) на хорватские глаголические миссалы и бревиарии, что, в свою очередь, подтверждает взгляд на древнеславянский перевод Паримийника, как на бесспорный труд свв. Кирилла и Мефодия. Нахтигаль, в частности, отнес к трудам Первоучителей перевод пророческих книг (его он приписывал св. Мефодию), но затруднялся признать таковым перевод книг Царств. При этом он ссылаясь на отличие «между переводом книг Царств и известными нам древними переводами, напр., Паримийника и Псалтири», а также с «древним полным нетолковым переводом части пророков, по всей вероятности, действительно мефодиевским трудом»**.

(*) Там же.

(**) *Нахтигаль Р.* Несколько заметок о следах древнеславянского Паримийника в хорватско-глаголической литературе // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1902. Т. III. С. 206. Прим. 4. Цит. по: *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCCVIII–CCCIX.

Проф. Михайлов, возражая Нахтигалю, вместе с тем и подбадривал словенского ученого следующими контраргументами:

а) эта разница пока еще недостаточно установлена; с другой же стороны, неизвестно, кому ее следует приписывать — переводчикам ли книг Царств или позднейшим справщикам, так как эти книги дошли до нас в очень поздних списках;

б) тип и качество мифодиевских переводов также не выяснены, чтобы их считать какой-либо определенной величиной или признавать эти переводы вполне тождественными, напр., по словоупотреблению и формам с кирилло-мифодиевскими*.

В своих «Опытах...» проф. Михайлов блестяще разобрал проблему, затронутую ученым словенцем. Ниже мы приведем весь фрагмент его размышлений, как пример гибкого подхода к решению труднейшего вопроса кирилло-мифодиевистики. Итак, Михайлов считал, что если перевод книг Царств, как показывают кириллические рукописи XIV–XV вв., сделан по отношению к греческому подлиннику «очень небрежно» (А. И. Соболевский), нередко ошибочно, невыдержанно и очень произвольно (А. В. Горский), «а в отношении словоупотребления отличается от кирилло-мифодиевских переводов, то это вовсе не значит, что перевод книг Царств, как и подобный ему перевод Апокалипсиса, не мог принадлежать к серии переводов Св. Писания, сделанных Мифодием и его помощниками. Эти переводы могли быть разного качества, что зависело либо от степени важности той или другой ветхозаветной книги, с точки зрения христианского миссионера и употребления ее в богослужении, либо от большей или меньшей степени участия в переводе этой книги славян-помощников Мифодия; то и другое следует, нам кажется, учитывать. Очень важное указание акад. Соболевского, что «греческие слова в книгах Царств сравнительно редко остаются без пере-

(*) *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCCIX.

вода, а не результат поздней справки, что также возможно, то ее легко приписать помощникам Мефодия, которые как славяне, старались быть понятнее, а может быть, и самому Мефодию, который к концу жизни приобрел, конечно, большой опыт в переводах на славянский язык. Как бы то ни было, но пока мы, не зная обстановки, при которой Мефодий занимался переводом Св. Писания, не имеем права отказывать ему в участии и при переводе книг Царств, тем более, что словарный материал этого перевода убедительно говорит именно за его моравское происхождение. С другой стороны, сам же г. Нахтигаль утверждает (с. 206), что перевод книг Царств близок к переводу Апокалипсиса, который акад. И. В. Ягич не усомнился отнести к переводам даже кирилло-мефодиевским. Наконец, тот же Нахтигаль не сомневается в том, «что хорваты получили славянское богослужение и церковные книги прямо с севера (из Моравии и Паннонии) и что центр хорватского глаголитизма был в северо-западных пределах хорватской территории, а не вблизи Македонии (с. 220)»*.

Т. о. труды по изучению хорватских глаголических миссалов и бревиариев XIII–XV вв. открыли новые перспективы в решении вопроса об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста. На них в свое время обратил внимание чешский ученый Й. Вайс. Считая, с одной стороны показание 15-й главы ЖМ легендарным вымыслом, он, в тоже время, сделал очень много в деле розыска мефодиевских переводов среди глаголических текстов. Для этого он издал и исследовал ряд ветхозаветных текстов большой ценности. Речь идет о фрагментах из книг Иова, Руфи, пророков Иоилия, Осии и Аввакума, Притчей Соломона и Премудрости Иисуса сына Сирахова. В ходе своей работы Вайс пришел к следующим выводам:

(*) Там же. С. CCCIX–CCCX.

а) книги пророков Иоия, Осии и Аввакума из бревиария св. Вита (Омишльский кодекс 1396 г., Венская придворная библиотека) переведены с греческого;

б) древнеславянский перевод глаголического текста пр. Иоия, соответствующий паримийному (Иоиль, 2. 1–2, 10–26; 3. 3–5), при некоторых разночтениях с той и другой стороны, тот же, что и в кириллических Паримийниках, а перевод молитвы Аввакума (3. 2–19) — тот же, что и в Болонской Псалтири, что означает только одно: здесь и там имеет место кирилло-мефодиевский перевод, относящийся ко времени совместной деятельности свв. братьев;

в) древнеславянский перевод *непаримийного* отдела книги прор. Иоия (1. 2–20), а также книг пророков Осии (1. 2–11; 2. 1–23; 3. 1–5; 4. 1–5) и Аввакума (1. 2–17; 2. 1–8), текст которых не был богослужебным в Православной Церкви, но по словоупотреблению *очень похож на паримийный перевод* библейских книг и резко отличается от перевода этих пророческих книг в кириллических списках (напр., Румянцевская рукопись № 31) и потому может быть отнесен к переводу свт. Мефодия, тогда как перевод Рум. № 31 — к эпохе царя Симеона*.

Проф. Михайлов дополнил выводы Вайса следующими соображениями. Сравнение глаголических отрывков книг Притчей с греческими и латинскими текстами приводит к мысли, что они, при незначительных поправках с латинского, переведены с греческого оригинала. Перевод этот тот же, что и в кириллических Паримийниках (по замечанию Вайса, оба текста — кириллический паримийный и глаголический — взаимно друг друга дополняют и исправляют)**. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова из Вербицкого бревиария № I переведена, по мнению

(*) Там же. С. CCCXXXVIII–CCCXXXIX.

(**) Там же. С. CCCXL.

проф. Михайлова, с греческого оригинала почти без поправок по Вульгате. По ясности, точности и умению переводчика пользоваться церковнославянским языком этот перевод, несомненно, принадлежит к древности, а по словоупотреблению относится к и типу паримийных переводов библейских книг, отличаюсь от четых, что дает основание относить перевод книги Премудрости Иисуса сына Сирахова к переводам свт. Мефодия, по не св. Кирилла, так как чтения оз этой книги в Паримийник не входили*.

В 1902 г. в Казани П. Юнгеров выпустил «Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги»**, в котором он последовательно разбирает все имеющиеся переводы Св. Писания, и в том числе перевод славянский и, в частности, в вопросе об объеме переведенных свв. братьями ветхозаветных текстов автор данного «Введения» твердо стал на позицию Горского-Невоструева, Калайдовича и архиеп. Филарета (Гумилевского), которые считали, что Кириллом и Мефодием были переведены все книги Нового Завета и Ветхого Завета, кроме Маккавейских***.

Не смотря на то, что разработка вопроса об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста началась еще в XVIII в., и в начале XX века в исследовании Кирилло-мефодиевского дела оставалось еще очень много белых пятен. Впрочем, в наше время ученые уже не считают наивно, «что при жизни св. Первоучителей славянства из ветхозаветных книг переведена была только Псалтырь»****. В таком положе-

(*) Там же. С. CCCXLI.

(**) Юнгеров П. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1902.

(***) Михайлов А. В. Опыт... С. CCCXLI.

(****) Там же. С. CXCIIV.

нии состояние кирилло-мефодиевистики, по мнению А. В. Михайлова (высказанного им в 1912 г.), оказалось потому, что «изучение источников кирилло-мефодиевской старины после Добровского пошло лишь в одном направлении, именно, в сторону издания и изучения, почти исключительно, источников исторического и историко-литературного характера. И в этом отношении славянская наука сделала очень многое, едва ли не все, что только могла сделать, в пределах известного и вновь открытого материала, который теперь (в начале XX в. — *Р. Ц.*) целиком издан и критически разработан многими учеными силами. Что касается текстуальных источников литературной деятельности свв. Кирилла и Мефодия по переводу ветхозаветных книг, то издание и разработка их со времени Добровского продвинулась вперед чрезвычайно мало»*. В XIX в. все внимание славистов-филологов сосредоточивалось в основном на издании и критической оценке текстов тех книг Св. Писания, в славянском переводе которых, как труде свв. Кирилла и Мефодия, никто не сомневался. Это касается *Евангелия, Апостола и Псалтири*, особенный, почти исключительный интерес к которым объяснялся, конечно, тем, что только они одни сохранились в древнейших текстах. От издания и анализа этих книг, как и других древнейших текстов церковнославянской письменности, зависело, поначалу, решение более общего и основного вопроса кирилло-мефодиевистики — вопроса о церковнославянском языке и письме свв. Кирилла и Мефодия.

В ходе разработки рассматриваемого нами вопроса (об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста) в начале XX в. был заложен основной фундамент — собран материал, который обработать должным образом, однако,

(*) Там же. С. CCC.

сразу не удалось. После 2-й мировой войны к данной теме вновь возник интерес. Упомянем только некоторые работы, прямо или косвенно связанные с ней. Сначала обратимся к историко-литургическому исследованию профессора протоиерея о. Благоя Чифлянова. В своем труде «Богослужбеният чин, преведен от братята Кирил и Методий в началото на моравската им мисия» («Славистичен сборник». София, 1973) он выявил 2200 стихов из ветхозаветных текстов, вошедших в славянский Паримийник, 2542 стиха, переведенных из Византийской Псалтири и ставшие принадлежностью Славянской Псалтири, а также 10 библейских песен, вошедших в Следованную (славянскую) Псалтирь*. К этому автор добавляет и множество цитат, аллюзий и «крылатых выражений» из Ветхого Завета, использованных в гимнографии, 17-ти ектениях и 200-х молитвах**. Весь этот громадный материал открывает колоссальные возможности для более точного определения объема переведенных свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветных текстов.

В советской печати также начинают являться научные публикации, касающиеся нашей темы. Как правило, писались они в университетской среде. Вот некоторые из них. В 1976 году преподаватель Ленинградского государственного университета Т. А. Иванова опубликовала небольшую статью, касающуюся переводческой деятельности св. Мефодия***. В ней автор обратилась к научным достижениям дореволюционной славистики.

(*) Чифлянов Бл. Богослужбеният чин, преведен от братята Кирил и Методий в началото на моравската им мисия // Славистичен сборник. София, 1973. С. 67.

(**) Там же.

(***) Иванова Т. А. У истоков славянской письменности (К переводческой деятельности Мефодия) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 24–27.

Упомянув о недоверии И. В. Ягича к сообщению 15-й главы ЖМ и пользуясь некоторыми открытиями в области палеославистики*, Т. А. Иванова «пришла» к выводу, что после совместного перевода (с младшим братом) Евангелия и Апостола — апракосов, Псалтири и Паримийника св. Мефодий (после смерти св. Константина-Кирилла) «лишь дополнил перевод этих книг»**. Другая ее статья на ту же тему вышла в 1994 г.*** и оказалась, к сожалению, немного более содержательнее своей предшественницы. Будучи почти дословным повторением статьи 1976 г. в ней, однако, приводится важная цитата из автореферата докторской диссертации А. А. Алексеева****, который считал, что «четий перевод (библейской книги Песнь Песней. — Р. Ц.) существовал

(*) М. Решетар высчитал точное время совершенного перевода (8 месяцев), а Р. Маттесен выяснил, что свт. Мефодий сделал его не с двумя, а с тремя опытными «попами»-скорописцами (см.: *Resetar M. Zur Übersetzungstätigkeit Methods // Archiv für slav. Philologie. 1913. Band XXXIV. P. 234–239; Mathiesen R. An emendation to the Vita Methodii XV. 1 // Сборник за филологију и лингвистику. Т. X (1967). С. 51–53).*

(**) *Иванова Т. А. У истоков славянской письменности (К переводческой деятельности Мефодия). С. 26.*

(***) *Иванова Т. А. Мефодиев перевод Библии (К вопросу о достоверности сообщения XV главы Жития Мефодия) // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян (Материалы международной библейской конференции 1990 года, посвященной семидесятилетию Русской Библейской комиссии). СПб., 1994. С. 49–51. В своем учебнике «Старославянский язык» Т. А. Иванова ни на шаг не отступает от сказанного ею в упомянутых публикациях (см.: *Иванова Т. А. Старославянский язык. М., 1997. С. 8).**

(****) *Алексеев А. А. Переводческое наследие Кирилла и Мефодия и его исторические судьбы («Песнь песней» в древней славянской письменности): Автореф. докт. дис. Л., 1984.*

в начале X в. и может рассматриваться, в согласии с XV главой Жития Мефодия, как переводческий труд Мефодия и его учеников^{*}. В 1995 в Софии вышел 2-й том Кирилло-мефодиевской энциклопедии, в которой П. Динеков, очевидно, от лица болгарской науки, строго придерживаясь источников, кратко изложил следующие мысли об объеме совместно переведенных св. братьями книг. «В ЖК очень лаконично указывается на те переводы, с которыми братья отбыли в Моравию; Константин составил евангельскую “беседу” (ЖМ), начинавшуюся словами “В начале бе Слово...” (ЖК). Это начальные слова из Евангелия от Иоанна, которые указывают, что им было переведено Евангелие-Избор, или апракос — сборник избранных текстов из четырех евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Тексты эти были расположены подряд, как они читаются в церковной службе в течение года. Согласно сообщению ЖК, когда Константин-Кирилл Философ прибыл в Моравию, то он за короткий срок перевел “целиком весь церковный чин”. В ЖМ (гл. 15) говорится об этом более подробно: первоначально были переведены “только Псалтирь, Евангелие с Апостолом и избранные церковные службы”. В избранные службы вошли части из молитвослова. Иоанн Экзарх отмечает, что Константин-Кирилл Философ перевел избор от Евангелия и Апостола (Ѡъ ѣвѧнгѣлиѧ и ѧпѣла прѣлагѧѧ ѧзборѣ). Это были необходимые богослужебные тексты, связанные с просветительской миссией братьев в Моравии^{**}. В том же духе от лица ЛГУ высказался в 1988 г. и К. И. Логачев^{***}. «Большинство памятников, связанных с именами Кон-

(*) *Алексеев А. А.* Указ. соч. С. 10.

(**) *Динеков П.* Константин-Кирил // КМЕ. София, 1995. Т. 2. С. 4п.

(***) *Логачев К. И.* Кирилло-Мефодиевские переводы у южных и восточных славян: Учебное пособие. Л., 1988.

стантина-Кирилла и Мефодия, — писал он, цитируя чешского составителя словаря древнеславянского языка*, — представляют собой древнеславянские переводы греческих богослужебных книг — прежде всего таких, как Евангельский лекционарий, Апостольский лекционарий, Псалтирь и Профитологий, которые состоят почти целиком из библейских текстов. Эти переводы, созданные для употребления в славяноязычном христианском богослужении, обычно называются соответственно Евангелием-апракосом, Апостолом-апракосом, Псалтирью и Паримийником**.

В 1998 г. увидел свет небольшой обзорный очерк об истоках славянской письменности московской исследовательницы Е. В. Ухановой***. В нем автор приводит все уже известные сведения и мнения об объеме переводов свв. братьев: «Часть исследователей подвергает сомнению сообщение Жития Мефодия о переводе им всей Библии <...> Отмечается, что, когда в конце XV века в Новгороде была предпринята аналогичная попытка, переводов многих библейских книг найти не могли. Те же исследователи, кто доверяет сообщению Жития, находят подтверждение ему в предисловии болгарского книжника X века Иоанна Экзарха к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина. Там говорится, что Мефодий «перевел все 60 уставных книг с греческий на славянский». Следует учитывать, что ряд библейских книг (Евангелия, Апостола и Псалтири) были переведены еще на первых этапах работы моравской миссии. Тогда же в составе Паримийника была переведена значительная часть текс-

(*) *Haderka K. Fontes // Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 2. Úvod. Praha, 1959. S. LXII–LXXVI.*

(**) *Логачев К. И. Указ. соч. С. 3.*

(***) *Уханова Е. В. У истоков славянской письменности. М., 1998.*

тов Ветхого Завета. Таким образом, большая часть переводов была уже сделана, и Мефодию надо было лишь завершить начатую работу»*.

Вполне можно согласиться с данными суждениями, тем более что они являются пока что единственным результатом работы по прояснению вопроса об объеме переведенного свв. Кириллом и Мефодием ветхозаветного текста.

(*) *Уханова Е. В.* У истоков славянской письменности. М., 1998. С. 89–90.